

УДК 882 «19»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В РОМАНЕ В.М. ШУКШИНА «ЛЮБАВИНЫ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ МЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© 2008 Я.Н. Ильичева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2008

Аннотация: В работе анализируется художественная структура романа на уровне его конфликтосферы, представленной системой взаимообусловленных коллизий; индивидуально-личностное начало в центральных образах-персонажах рассмотрено в контексте духовно-ценностной сферы национального самосознания — с учётом исторической конкретики социокультурных процессов в России первой половины XX столетия.

Ключевые слова: конфликтосфера, национальное самосознание, индивидуально-личностное начало.

Abstract: The artistic structure of the novel in conjunction of all levels conflicts is analysed in the present research paper. This conjunction is presented by the system of the interconditional collisions in the novel. Individual-personal origin of the main characters is concerned in the contest of spiritual value and national selfconsciousness taking historical factual events of the sociocultural process in the first half of the 20th century into account.

Key-words: all levels conflicts, national selfconsciousness, individual-personal origin.

В конфликтосфере романа явственно выделяется линия социально-классовых противостояний — между проводниками «новой жизни» и сторонниками традиционного уклада и ценностных ориентиров русского крестьянства. Данный конфликт по-своему персонафицирован в образах центральных героев: «человека со стороны» — Кузьмы Родионова и Егора Любавина, представляющего, в известном смысле, весь любавинский «клан». Социально-классовые коллизии осложняются и наличием нравственно-психологического конфликта, где в «любовном треугольнике» указанных персонажей по-своему связывает образ крестьянки Марьи Поповой. В развитии и переплетении отмеченных противостояний разворачиваются драматические перипетии, маркированные по разные стороны социально-классовых баррикад гибелью многих персонажей романа, попира-

ющих в своём нарастающем озлоблении все законы: и божеские, и человеческие. Значение же гибели Марьи, по-своему венчающей нравственно-психологический конфликт (но не снимающей социальных антагонизмов), имеет, как представляется, и ещё более глубокое значение для образно-смысловой структуры романа.

На уровне конкретики развития образов-персонажей оба бывших «жениха» Марии и «смертных врага» по отношению друг к другу после её смерти начинают задумываться о жизни — буквально в одних и тех же выражениях: «Почему у нас всё так получается — через пень-колоду?» [1]

Осознание «неправедности» собственной жизни к финалу повествования всё более проявляется у одного из главных героев — Егора в процессах углубляющейся саморефлексии: «...Егор впервые смутно припомнил, что он никогда почти открыто и просто не радовался. Все удерживала какая-то сила, все как будто кто-то нашёптывал в ухо: «Не радуйся... Не смейся. А почему? Кто

© Ильичева Я.Н., 2008

мешал?» (274) (Здесь и далее подчёркнуто нами. — Я.Н.). Явная ассоциация с бесовским началом, «мешающим» жить и «прельщающим» человека, определяет ряд мотивов поведения героя. В качестве одного из центральных мотивов для Егора выступает стремление утверждать свою индивидуальность, показывать, что он не такой, как все. Сначала это происходит в моральной и физической борьбе с отцом, потом с Закревским, и с Кузьмой, со всем строительством «новой жизни». Убивая Марию, Егор как бы доказывает Кузьме своё превосходство над «соперником», над сложившейся ситуацией, из которой выходит, как он считает, с высоко поднятой головой. Когда Егора посещают мысли о несправедности жизненных приоритетов и целей всех Любавиных, он осознаёт первоначально лишь последствия содеянного: «Почему не с кем-нибудь случилось сегодняшнее, а со мной?» (274). Принадлежность к клану Любавиных как определённого типу «самостояния» человека порождает трагическое мироощущение, вызывающее «проклятые» вопросы уже на уровне смысложизненной ориентации: «Почему у нас так всё получается — через пень-колоду? <...> Почему нас не любят в деревне? Зачем надо ехать куда-то, скрываться, как зверю, мыкать по лесам проклятое горе? <...> Ведь живут другие <...> А тут как проклятие какое — вечная, непонятная подозрительность, злоба, несусветная гордость... «Любавины...» «Какие же мы такие — Любавины, что нет нам житья среди людей, негде голову преклонить в лихое время?..» (274).

«Россия — фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосжигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачёвщины. Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. <...> Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. <...> Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своём народном дионисизме, не желающем знать формы» [2, 303].

Приведённое высказывание Н. Бердяева предстаёт в известной мере «ответом» на поставленные выше «вопросы» центральных героев романа — в том смысле, что определённым образом характеризует тип национального характера, черты которого проявляются в образах-персонажах произведения. Конечно, Любавины и их классовые оппоненты далеки от «духовных далей», но то «духовное опьянение», которое отмечает Н. Бердяев, проявляется здесь в «нежелании знания формы» и «законов» (божеских и человеческих), ограничений — в «стране мятежной и жуткой в

своей стихийности», где «безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество — вечным застоём...» [2, 304].

Традиционно акцентируемая отечественной общественной мыслью антиномичность национального характера, воплощающая специфику геоисторических и социокультурных основ формирования российского социума [3, 12 21], достаточно явственно присутствует в образной структуре романа «Любавины», создавая тем самым особый — ментальный — уровень конфликтосферы произведения, где стороны конфликта образованы оппозициями «смирения-бунта», «послушания-анархии», «добродушия-жестокости» и аналогичными формами «двойственности» национального характера [4, 27 28].

В свете сказанного можно констатировать, что «любавинская правда» — это воплощение своеобразных «издержек» черт национального характера, где сила оборачивается насилием, любовь к труду — стремлением к наживе, гордость — презрением к другим людям, отсутствие «искры божьей» в душе — вседозволенностью. При этом дефицит духовности оборачивается трагедией: «Люди такой породы не гнутся, а сразу ломаются, когда их одолевает другая сила» (228). Эта авторская ремарка весьма показательна, ибо отражает (опять-таки, уже на ментальном уровне) национальную специфику «людской породы» — применительно не только к Любавиным, но и ко многим иным образам-персонажам романа. Подчёркнём, что по-своему «несгибаемыми» в своих социальных ориентирах предстают и проводники идей «великого перелома» в деревне. И не только в социальных, но и в нравственно-психологических конфликтах герои выступают максималистами, ориентированными только на «победу», не способными на компромиссы. Родовое, «братское», человеческое начало здесь имеет тенденцию к ослаблению и атрофированию.

Известной альтернативой такой тенденции и выступает образ Марьи, оказавшийся на пересечении главных линий конфликтосферы романа. Если рассматривать Марию с точек зрения как христианской, так и «атеистической» морали, то лишь она в романе фактически безвинна. Можно констатировать, что Мария Попова, по ассоциации с евангельской Марией, с самого начала повествования предстаёт перед нами в образе святой, непорочной девы. Её портретные характеристики схожи с ликом праведников, изображаемых на иконах: «Мария лицом походила на мать — чернобровая, с ясными, умными глазами. А характером удалась в брата Фёдора — спокойная, рассудительная, с открытой, доброй душой. Очень терпеливая. Она редко улыбалась, но в родниковой глубине своих чистых глаз таила постоянную

светлую усмешку. Люди, когда на них смотрят такие глаза, становятся доверчивыми. <...> Хитрить она не умела» (44). Автором подчёркивается чистота, непорочность, доверчивость героини в отношениях с окружающими её людьми.

В эпизоде, где ничего не понимающую Марью приводит Клавдя «на проверку» чувств, которые испытывает к ней Кузьма Родионов, просматривается явное сходство героини с целомудренной девой, принимаемой незаслуженные муки от людей. Её одевание тоже подчёркивает внутреннее смирение и кротость. «Марья сидела у стола в синеньком ситцевом платье, под которым как-то не угадывалось тело её. Кузьма стал перед ней; она снизу с детской, ясной улыбкой вопросительно глядела на него. <...> Клавдя прошла вперёд, опустила на колени перед божницей, размашисто перекрестилась <...> ...не поднимаясь с колен, дотянулась до Марьи, обхватила её ноги, прижалась лицом. Заплакала. <...> Не отнимай его у меня, милая...Присохло к нему моё сердце...Изведусь я вся, Господи! Руки на себя наложу!..» (73) Клавдя исповедуется перед Марьей, просит её о чудодейственной помощи, которую якобы может оказать ей героиня, отдав в вечное пользование сердце милого ей Кузьмы. «Страшный», как показалось Родионову, плач Клавди перед иконой определённым образом соотносим с плачем перед Марьей, у которой она выпрашивает «милости».

В повествовании выстраивается ряд деталей, дающих возможность представить образ Марьи как великомученицы. Когда её насильно забирает из родного дома Егор Любавин и привозит в лесную избушку, в первую же ночь там она видит пророческий и недобрый сон, где во сне неоднократно упоминает Бога. В этом же «разбойном» месте честь Марьи путём насильственных и похотливых действий Закревского ставится под сомнение, оскверняя её душу и тело. Этот случай представляет её нечистой и презренной в глазах наречённого мужа.

Марья безвинно страдает от распри соперников, мучается от нарастающих вокруг противоречий и, наконец, принимает насильственную смерть от руки мужа. Если вспомнить, что ментальное представление о России-«матушке» ассоциируется, прежде всего, с женским началом («Мать-земля для русского народа есть Россия. Россия превращается в Богородицу...» [2, 301]), а свойства национального характера («безграничная свобода становится безграничным рабством») выводится из взаимодействия этого начала с «мужским» («когда мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией изнутри, из глубины» [2, 304]), то образ Марьи в романе обретает глубоко символическое значение.

Отмечая ассоциацию этого образа с представлением России-матери, стоит вспомнить, что прототипом персонажа, по мнению некоторых исследователей, явилась мать писателя [5, 683]. Марья отмечена своеобразной «искрой Божьей», так как выносит на своих плечах очищающее страдание, которое приносят окружающие её распри. При этом Марья выступает как объект для взаимодействия сил «мужественной свободы», персонифицированных в образах «женихов» – с их установкой на «вседозволенность» по отношению к Богу, миру и человеку. Говоря о Марье как о невесте, следует вспомнить определение «России-невесты» (А. Блок); «женихи» разной социальной ориентации подвергали её насилию, каждый в этой борьбе отстаивал свою правду. Поруганная честь и отнятие жизни у Марьи замешаны на братоубийственном конфликте, который обретает не только социальный, но и «родовой», общечеловеческий характер в специфике национальной ментальности.

В свете сказанного образ Марьи в романе наполняется, на наш взгляд, ещё одним важнейшим символическим значением. Её безгрешность и праведность на фоне погрязшего в грехах окружающего мира (в конкретике российского социума) придаёт её гибели статус искупительной жертвы – по аналогии с той, которая была принесена Христом-Спасителем мира земного по воле Отца небесного. И в конкретике этого земного мира такая жертва-гибель выглядит не напрасной: не случайно она порождает отрезвляющие раздумья вольных и невольных убийц и акцентирует «проклятые вопросы» («Почему же у нас так всё получается?»), где угадывается сакраментальное российское «кто виноват?» Этот вопрос угадывается уже и на уровне авторской позиции в романе.

Братоубийственная борьба русских людей на своей земле стала трагедией XX столетия. От бесконечных, «бессмысленных и беспощадных» и по своему системных противостояний, которые так и не принесли обещанных благ, народ разобщается, теряя ориентиры не только национальной, но и человеческой сущности. Отсутствует вера в Бога, теряется вера в добро, в справедливость. Новые формы жизни сопряжены с человеческой глухотой и одиночеством, а это отнюдь не то состояние, к которому стоит стремиться. По сути, Кузьма, борющийся за государственные идеи, тоже жертва, пострадавшая не меньше Егора, изгнанного из общества. Поиски единой человеческой истины, общей для всех, в исторической конкретике социальных преобразований морально не оправданы, более того, бессмысленны; и судьбы русско-

го крестьянства после «великого перелома» отмечены на протяжении XX века по-своему трагической печатью. Как жить в новое время, где общество испытывает дефицит духовности, нравственных ориентиров, которые должны служить основой человеческих отношений? Иными словами: «что делать?» – другой извечный вопрос русской жизни.

Такие вопросы встают уже не только перед героями романа, но и перед его автором, совмещающим в своём мировидении историческое прошлое и «настоящее» во времена создания произведения. Всё это актуализирует обращение к проблеме авторской позиции в романе, к динамике вызревания авторского замысла и его реализации в творческой лаборатории писателя на фоне социокультурных процессов современной ему эпохи.

*Ильичева Я.Н.
Воронежский государственный педагогический университет.
Аспирант кафедры русской литературы XX века и зарубежной литературы.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Шукшин В.М. Любавины / В.М. Шукшин. – М., 2005. – С. 274, 254. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.
2. Бердяев Н. Душа России / Н. Бердяев // Русская идея. – М., 1992.
3. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / Под ред. А.Б. Удодова. – Воронеж: ВГПУ, 2002.
4. Соколов А.В. Русский менталитет и русская интеллигенция / А.В. Соколов // Вестник Северо-западного отделения российской академии образования. – СПб., 2001. – Вып. 6.
5. Аннинский Л. Комментарии. Любавины / Л. Аннинский // В.М. Шукшин. Собр. соч. – М., 1984. – Т. 1.

*Ilitchyova Y.N.
Voronezh State Pedagogical University.
A post graduate student of the 20th century Russian Literature and Foreign Literature Department.*